

W. SOMERSET MAUGHAM

Сомерсет Моэм ГЕРОЙ

Впервые на русском языке
один из самых
увлекательных ранних романов
Сомерсета Моэма!

Сомерсет Моэм

Герой

«АСТ»

1901

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44

Моэм С.

Герой / С. Моэм — «АСТ», 1901

ISBN 978-5-17-081507-4

Джеймс Парсонс, раненный на войне и отмеченный наградами, возвращается в родной городок. Кто он – герой? Или человек, уже не способный «вписаться» в мирную жизнь? Родные, любимая женщина перестали его понимать. Да и сам Джеймс словно говорит на другом языке – языке войны, столь сильно изменившей его. Что ему делать? Попытаться переломить себя и стать прежним? Или есть другой выход?..

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44

ISBN 978-5-17-081507-4

© Моэм С., 1901
© АСТ, 1901

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сомерсет Моэм Герой

© The Royal Literary Fund, 1901

© Перевод. В. Вебер, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

*Правь, Британия!
Правь, Британия! Правь волнами:
Британцы никогда не будут рабами.
Джеймс Томсон¹. Альфред: Маска*

*О, Софонисба, Софонисба, о!
Джеймс Томсон. Софонисба*

Посвящается мисс Джулии Моэм

¹ Томсон, Джеймс (1700–1748) – шотландский поэт и драматург.

Глава 1

Полковник Парсонс сидел у окна столовой, наслаждаясь последними мгновениями уходящего дня, и просматривал «Стандарт», желая убедиться, что ничего не пропустил. Наконец с легким вздохом он сложил газету, снял очки и убрал в футляр.

– Все прочитал? – спросила его жена.

– Да, думаю, все. Ничего интересного.

Он выглянул в окно на поддерживаемую в идеальном состоянии подъездную дорогу, на аккуратно подстриженные кусты лавра, отделявшие палисадник от общественного пастбища. Со счастливой улыбкой задержал взгляд на триумфальной арке, которая украшала ворота к возвращению сына – его ждали завтра – из Южной Африки. Миссис Парсонс прилежно вязала носок для мужа, пальцы работали ловко и быстро. Он наблюдал, как поблескивают спицы, находившиеся в непрерывном движении.

– Дорогая, ты испортишь зрение, если и дальше будешь вязать при таком свете.

– Мне смотреть не обязательно, – ответила его жена с мягкой любящей улыбкой. Но прекратила работу, похуже, устав, положила носок на стол, разгладила ладонью.

– Было бы хорошо, если бы ты сделала эту пару чуть выше, чем предыдущую.

– И какая высота тебя устроит?

Она подошла к окну, чтобы полковник показал на ноге точную высоту носка, а увидев, тихонько вернулась на стул у камина, опустила руки на колени и умиротворенно ждала, пока служанка принесет лампу.

Миссис Парсонс, высокая женщина пятидесяти пяти лет, всегда держалась несколько застенчиво: превосходя полковника ростом, она стыдилась этого. Ей казалось, что эти лишние дюймы выглядят отчасти оскорбительно. Миссис Парсонс знала, что ее духовный долг – внимать мужу, глядя на него снизу вверх, но физически ей всегда приходилось смотреть на полковника Парсонса свысока. И чтобы никто и никогда даже в малой степени не заподозрил ее в этом грехе, в поведении своем она являла саму покорность, дабы не возникло ни малейших сомнений, что обязанность повиноваться мужу для нее не только прямое указание Библии, но и веление сердца. Добрейшая, отзывчивая миссис Парсонс всей душой любила мужа, восхищаясь и его умом, и его мужеством. Он относился к тем несгибаемым людям, которые всегда шли дорогой, указанной Господом. Гладкое, безмятежное чело жены полковника, спокойствие взгляда, даже строгость прически – прямой пробор посередине и зачесанные назад волосы – говорили о том, что характер у нее искренний, простой и открытый. Для этой женщины зло не имело никакой притягательной силы, о его существовании она знала лишь теоретически. В жизни она видела только один путь – тот, что вел к Богу. Других для нее не существовало. Долг представлялся ей одной рукой с единственным пальцем, и палец этот всегда указывал одно направление. Однако жесткий рот и твердый подбородок миссис Парсонс создавали и иное впечатление. Когда она сидела недвижно, сложив руки и глядя на мужа любящими глазами, со стороны могло показаться, что эта женщина не такая уж смиренная и не склонна прощать недостатки ни себе, ни другим. При всей ее кротости она точно знала, что абсолютно правильно, а что – абсолютный грех, и последнее не простила бы никому, даже тем, кого любила больше всего на свете.

– А вон посыльный с почты! – вдруг нарушил тишину полковник Парсонс. – Джейми еще не мог приехать!

– Ох, Ричмонд!

Миссис Парсонс вскочила со стула, на ее бледных щеках заиграл румянец. Сердце учащенно забилося, глаза наполнились слезами нетерпеливого ожидания.

– Наверное, телеграмма от Уильяма, с сообщением, что корабль вошел в порт, – предположил полковник, чтобы успокоить ее. Но и его голос дрожал от беспокойства.

– Ничего не могло случиться, Ричмонд, правда? – От этой мысли щеки миссис Парсонс сразу побледнели.

– Нет, нет! Разумеется, нет! Какая ты глупая! – Слуга принес телеграмму. – Я ничего не вижу при таком свете.

– Дай ее мне. Я все хорошо вижу.

Миссис Парсонс прошла с телеграммой к окну, вскрыла ее.

– «Приезжаю этим вечером; 7.25. Джейми».

Миссис Парсонс посмотрела на мужа, потом, не в силах сдержаться, опустилась на стул, закрыла лицо руками и рыдалась.

– Перестань, Фрэнсис, перестань! – Полковник пытался улыбнуться, но у него от волнения перехватило дыхание. – Не плачь! Ты должна смеяться, узнав, что мальчик едет домой!

Он похлопал жену по плечу, и она, взяв его руку, ухватилась за нее, как за надежную опору. Другой рукой полковник поднес к носу платок и шумно высморкался. Наконец миссис Парсонс вытерла слезы.

– Ох, слава Богу, что все закончилось! Он едет домой! Надеюсь, нам больше не придется так тревожиться. Меня трясет от воспоминаний о том, как мы всякий раз ждали газету и боялись читать ее. Как просматривали список убитых, страшась, что увидим в нем имя нашего мальчика.

– Ладно, ладно, теперь все в прошлом! – весело воскликнул полковник, вновь высморкавшись. – Как обрадуется Мэри!

И действительно, он прежде всего подумал о том, что более раннее, чем намечалось, прибытие сына очень порадует Мэри Клибборн, с которой Джейми обручился пять лет назад.

– Да, – кивнула миссис Парсонс, – но она ужасно огорчится из-за того, что ее здесь не будет. Мэри поехала к Полсонам в Танбридж-Уэллс и вернется только к ужину.

– Какая жалость! Боюсь, уже поздно отправляться на станцию и встречать его. На часах почти семь.

– Да, и вечером сегодня сыро. Пожалуй, тебе не стоит выходить из дома.

Тут миссис Парсонс вспомнила про домашние дела.

– Надо же подумать об ужине, Ричмонд. У нас есть холодная баранина, а готовить курицу, предназначенную для завтрашнего обеда, уже поздно.

Они пригласили трех или четырех друзей на обед, чтобы отпраздновать возвращение сына, и миссис Парсонс уже запаслась всем необходимым.

– Что ж, мы можем поджарить отбивные. Надеюсь, Хоуи еще не закрыл свою лавку.

– Я пошлю Бетти. А на сладкое мы можем подать бланманже.

Миссис Парсонс ушла, чтобы отдать необходимые распоряжения, а полковник направился в комнату сына, желая убедиться, наверное, в сотый раз, что все в порядке. Они не один день обсуждали, нужно ли отдать молодому солдату лучшую комнату для гостей или поместить сына в ту, где прошли его детство и отрочество. Остановились на второй и не пожалели сил и времени, чтобы ему там понравилось; ни одна подробность не ускользнула из их памяти, они все ставили и переставляли, стараясь добиться нужного эффекта: войдя в комнату, он должен был увидеть, что за время его отсутствия ничего не изменилось. Так они пытались утолить самое глучее сердечное желание: чувствовали себя более счастливыми, зная, что стараются ради сына. Когда любишь, самая тяжелая ноша – невозможность что-либо сделать для дорогого тебе человека, а когда появляется шанс сослужить ему службу, это всегда легко и приятно. Они не видели его пять лет, своего единственного ребенка. Из Сандхерста² он прямоком

² Сандхерст – Королевская военная академия. – *Здесь и далее примеч. пер.*

отправился в Индию, а оттуда, как только началась война, в Южную Африку. Никто не знал, что пережили одинокие родители за долгую разлуку, с каким нетерпением ожидали его писем, как часто их перечитывали.

Но не только родительская любовь вызвала у них столь горячий интерес к карьере Джейми. Они надеялись, что он восстановит честь имени, утерянную его отцом. Четыре поколения Парсонсов служили в армии, принеся славу семье и пользуясь заслуженным уважением. Полковник Парсонс унаследовал выдающийся послужной список, его предки проявили себя храбрыми людьми и хорошими солдатами, а он – самый верный, самый храбрый, самый достойный из них всех – замарал это имя грязью, ему пришлось уйти из армии под градом оскорблений, обесчещенным, опозоренным, потерявшим все.

Долгое время полковник Парсонс уверенно продвигался по службе. Он всегда ставил Бога выше военного ведомства, но результат получался вполне пристойный. Своих подчиненных он окружал отеческой заботой, и любое подразделение, которым командовал, тянуло на образцовое как по выучке, так и по внешнему виду. Все офицеры находили в нем верного друга, редко кто из командиров пользовался такой любовью. Сдержанный, с ровным характером, он ни при каких обстоятельствах не забывал любить ближнего, как самого себя, всегда помнил, что и у туземца самой низшей касты есть бессмертная душа, а перед Богом они равны. Полковник Парсонс относился к людям с такой мирной, добродушной и естественной набожностью, что устоять перед ней не мог никто. О сквернословии и богохульстве в его присутствии даже не помышляли, и самые закоренелые негодяи смягчались при общении с ним.

Но за пару лет до его выхода в отставку по возрасту проводилась небольшая операция против каких-то горных племен, и возглавил ее Парсонс. Он захватил врага врасплох, обнаружил в предгорьях, отрезал, выставив заслоны на двух возможных путях отхода. Расположив орудия на холмах справа, Парсонс мог сделать с горцами что хотел. Мог вырезать до последнего, но у него такой мысли и не возникло. Он предложил им сдаться, и вечером вожди пришли к нему и пообещали сдать оружие следующим днем: ночь выдалась холодной, темной, дождливой. Полковник радовался и своей стратегии, и своему гуманизму. Он не пролил ни единой капли крови.

– Относись к ним хорошо, – изрек он, – и они отнесутся к тебе еще лучше.

Он повел себя как джентльмен и христианин, но враг не был ни тем, ни другим. Полковнику и в голову не пришло, что горцы переиграли его, использовав предоставленную им отсрочку, чтобы послать гонцов с настоятельной просьбой о помощи. И всю ночь со всех сторон к позициям англичан стекались вооруженные люди, и ранним утром, еще до рассвета, заслоны подверглись атаке. Полковник Парсонс, изумленный донельзя, отправил им подмогу и, думая, что его отряд численно превосходит мятежников, ударил по их главным силам. Горцы только этого и ждали. Медленно отступая, они заманили его в ущелья, где он обнаружил, что попал в ловушку. Отряд Парсонса окружили. Пять часов прошли как в кошмаре. Людей полковника убивали враги, сами оставаясь невидимыми. В конце концов, после отчаянной схватки, остаткам отряда удалось вырваться, потеряв пятьдесят человек убитыми и более сотни ранеными.

Полковник Парсонс ушел с оставшимися людьми, но воевать дальше эти охваченные паникой солдаты уже не могли. Он был вынужден отступить. Личным мужеством полковник удержал солдат от беспорядочного бегства. Он собрал их вместе, подбадривал, не раз и не два рискуя жизнью. Но факт оставался фактом – Парсонс потерпел жестокое поражение. Провал операции, в силу ее незначительности, удалось замять, но последствия дали о себе знать. Горные племена, вдохновленные успехом, повели себя более решительно и дерзко. Мятеж, который могли подавить без проблем, теперь потребовал привлечения весьма значительных сил, и потери возросли десятикратно.

Полковнику Парсонсу предложили подать заявление об отставке, и он покинул Индию сломленным человеком. Вернулся в Англию, поселился в старом отцовском доме в Литл-

Примптоне. Агония продолжалась, и, заглядывая в будущее, он видел только чудовищное отчаяние, безутешное раскаяние. Долгие месяцы Парсонс ни с кем не хотел общаться, полагая, что его считают человеком, за глупость которого пришлось заплатить многими жизнями. Когда он слышал смех, ему казалось, что смеются над ним, когда замечал в глазах людей сострадание, едва сдерживал слезы. Случившееся действительно сломило его. Он кружил по саду, подальше от людских глаз, вновь и вновь прокручивая в голове события той ужасной недели. И полковника не утешала мысль о том, что любой другой путь мог привести к столь же трагическому результату. Его ошибка бросалась в глаза. Он точно знал, в чем она состоит, и спрашивал себя: «Господи! Ну почему я так поступил?» Вот Парсонс и шагал без усталости, не замечая ни холода, ни жары, а по щекам его текли жгучие слезы. И слова жены не утешали его.

– Ты хотел как лучше, Ричмонд, – говорила она ему.

– Да, дорогая, я хотел как лучше. Окружив их, я перебил бы всех. Но я не мясник. Мог хладнокровно перестрелять одного за другим. Но это была бы не война, а убийство. Что я теперь скажу моему Создателю, когда Он предъявит мне счет за все эти души? Я пощадил их. Думал, они поняли, но они сочли мой поступок слабостью. Я не сообразил, что они готовят мне ловушку. А теперь мое имя обесчещено, и я никогда не смогу ходить с поднятой головой.

– В глазах Бога ты действовал правильно, Ричмонд.

– Я думаю и верю, что действовал как христианин, Фрэнсис.

– Если ты порадовал Бога, тебе незачем обращать внимание на мнение человека.

– Ох, дело не в том, что они называли меня дураком и трусом... это я стерпел бы. Я поступил, как считал правильным. Думал, мой долг – беречь жизни моих людей и щадить врагов. В результате погибло в десять раз больше людей. И они не погибли бы, действуй я решительно и безжалостно. Теперь в Англии много вдов и сирот, и они проклинают меня, потому что по моей вине их мужья и отцы зарыты в горах Индии. Если бы я действовал, как дикарь, как жестокий зверь, как мясник, все эти люди сегодня ходили бы по земле. Я проявил милосердие, а мне ответили предательством. Хотел избежать лишних страданий, а они решили, что я слабак. Я простил их, а они посмеялись надо мной.

Миссис Парсонс положила руку на плечо мужа.

– Постарайся забыть это, Ричмонд. Все закончилось, и ничего нельзя изменить. Ты действовал, как богобоязненный человек. Твоя совесть чиста. Что такое суд человека в сравнении с судом Божьим? Если люди оскорбляли и унижали тебя, Бог воздаст тебе сторицей, ибо ты показал себя Его верным слугой. Я верю в тебя, Ричмонд, и горжусь тем, что ты сделал.

– Я всегда старался быть джентльменом и христианином, Фрэнсис.

Ночами ему снились те дни замешательства и смертельной тревоги. Полковник представлял себе, что вновь отступает, подбадривает своих людей, делает все, чтобы предотвратить беду, но осознавал, что его ждет только позор, что самый невежественный сипай из тех, кем он командовал, считал его некомпетентным и безумным. Парсонс видел это и в глазах своих офицеров, видел презрение и злость, потому что из-за него им пришлось отступить под напором врага, из-за него честь и слава ускользнули от них, а сами они стали посмешищем. Руки и ноги полковника дрожали, а тело прошибал пот, когда он вспоминал разговор со своим командиром: «Ты годишься только в чертовы миссионеры». И его последние слова: «Ты мне больше не нужен. Подавай прошение об отставке».

Но человеческая печаль – вода в глиняном горшке. Мало-помалу полковник Парсонс забыл о своем несчастье; он так часто прокручивал случившееся в голове, что в конце концов пришел в замешательство. Глубокая рана отчасти зажила, зарубцевалась. Парсонс начал проявлять интерес к окружающей жизни. Теперь, читая газету, не проецировал на себя каждое хлесткое словцо. Но ничто так не отупляет человека, как ежедневное и внимательное чтение газет. Гуляя в саду, полковник частенько болтал с садовником, слегка перестраивал дом – кир-

пич и цементный раствор помогали забыть прошлое, собирал марки, играл с женой в безик и наконец медленно, постепенно обрел душевный и умственный покой.

Но когда Джейми с отличием окончил академию, полковник подумал, что его доброе имя, которым он так дорожил, может заблестать вновь. Ранее Парсонс не рассказывал сыну о катастрофе, которая вынудила его уйти со службы, но теперь заставил себя дать ему полный отчет о том, что случилось. Жена сидела рядом, слушала, и глаза ее выражали боль: она знала, какие мучения вызывает у полковника эта полузабытая история.

– По-моему, лучше, чтобы ты услышал об этом от меня, чем от кого-то чужого, – сказал в заключение полковник. – Когда я пришел в армию, порукой мне было доброе имя моего отца. Моя репутация может только навредить тебе. Мужчины будут переглядываться и говорить: «Это сын старого Парсонса, того, кто провалил операцию против мадда-келсов³. Ты должен показать им свою доблесть. Я действовал из лучших побуждений, и совесть моя чиста. Я уверен, что выполнил свой долг, но если ты отличишься в бою... если заставишь их забыть... думаю, я умру более счастливым.

Джейми попал в полк, которым командовал давний друг полковника. Через какое-то время он написал Парсонсу, что мальчик пришелся ему по душе. Джейми уже отличился во время стычки на границе, а потом, после другой операции, его храбрость отметили в официальном донесении. К полковнику окончательно вернулось хорошее расположение духа: смелость Джейми и проявленные им знания в военной науке позволяли его отцу снова открыто смотреть на окружающий мир. Потом началась бурская война. Для родителей Джейми из Литл-Примптона и Мэри Клибборн потянулись тревожные дни. Их переживания только усиливались от того, что каждый стремился скрыть эту тревогу от другого. Наконец из газеты они узнали, что Джеймса Парсонса тяжело ранило, когда он пытался спасти жизнь другому офицеру, и его представили к кресту Виктории⁴.

³ Мадда-келсы – пуштунские племена, кочующие в приграничных районах Афганистана и Пакистана.

⁴ Крест Виктории – высший военный орден, которым награждаются как военные, так и гражданские лица. Учрежден в 1856 г.

Глава 2

Парсонсы вновь сидели в столовой, считая минуты, остававшиеся до прибытия Джейми. Стол накрыли просто, по обычаю семьи. Бланманже, приготовленное к завтрашнему торжеству, тугое и неподатливое, как вероотступник, поставили в центре стола. Мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь обругал последними словами это самое отвратительное из всех национальных блюд, бледное, холодное, вязкое, неприятное для глаза и пресное на вкус. Кажется, это блюдо символизирует переходный период нашей культуры: как островитяне Южных морей, стоящие на пороге цивилизации, отказываются от вонючего кита ради поджаренного миссионера, так и средний класс Англии жалуется, что фруктовый пирог и сливовый пудинг слишком сытные и больше подходят для чревоугодников прошлого поколения. Однако бланманже они считают чем-то выдающимся; название как минимум намекает на французскую кухню. Да и приготовить это блюдо способна самая неопытная кухарка, оно не требует особых навыков.

– Я попрошу Бетти испечь для завтрашнего обеда рулет с вареньем, – нарушила тишину миссис Парсонс.

– Да, – кивнул полковник и, сделав паузу, добавил: – Тебе не кажется, что мы должны сообщить Мэри о приезде Джейми? Она захочет повидаться с ним сегодня же.

– Я уже отправила к ним слугу с запиской.

Все понимали, что Джеймс женится на Мэри Клибборн, как только станет командиром роты. Его родители обрадовались, когда он объявил о помолвке. Они всегда старались оградить сына от встреч со злом (нелегкая задача, если мальчик учился сначала в частной школе, а потом в Сандхерсте), придерживаясь принятого мнения, что неведение – синоним добродетели. Они также полагали, что помолвка с чистой и милой английской девушкой лучше всего защитит его невинность в многонациональной Индии. Они уже относились к Мэри Клибборн как к дочери, и она в отсутствие Джейми стала их единственным утешением. Парсонсы ценили ее мягкость, доброту, благочестие и поздравляли себя с тем, что с ней их сына ждет счастливая и добропорядочная жизнь.

Эти пять лет Мэри забегала к ним каждый день. Ее родители не чуждались мирских благ, и с ними она чувствовала себя не такой счастливой, как с полковником Парсонсом и его женой. Все трое постоянно говорили об отсутствующем солдате, всегда зачитывали друг другу его письма. Вместе смеялись над его шутками, сдержанно, как и положено людям, полагающим, что чувство юмора – от лукавого, вместе трепетали, когда ему угрожала опасность. В чувстве Мэри не было даже намек на страсть, поэтому она ничуть не смущалась, читая полученные от Джейми любовные письма его родителям. Мэри не помышляла о том, что они предназначались только для ее глаз, и в своем простодушии не испытывала ни малейшей стыдливости.

Но тут громыхающая двуколка подкатила к воротам, и Парсонсы поспешно устремились к двери.

– Джейми!

Трепеща от счастья, они привели его в дом и усадили за стол. Не находя слов от радости, родители стояли и смотрели на сына, широко улыбаясь.

– Наконец-то ты здесь! Мы удивились, получив твою телеграмму. Когда ты прибыл?

От волнения они произносили лишь банальности, словно говорили со случайным знакомым, приехавшим в этот день из Лондона. Привыкнув сдерживаться, они не знали, как себя вести, если эмоции перехлестывали через край.

– Может быть, поднимешься наверх и помоешь руки?

Родители последовали за Джейми.

– Видишь, все здесь, как и раньше. Мы подумали, что тебе понравится твоя прежняя комната. Если что-нибудь понадобится, позвони в колокольчик.

Оставив сына, они спустились вниз и сели друг против друга у камина. Полковник Парсонс – на «джентльменский стул», с подлокотниками, миссис Парсонс – на «стул для леди», без оных. Никому ни при каких обстоятельствах и в голову бы не пришло занять чужой стул. Встреча очень взволновала их, и теперь они приходили в себя.

– Как он похудел! – воскликнула миссис Парсонс.

– Будем хорошенько кормить его, – ответил полковник.

После чего до появления солдата они молчали. Как только он пришел, миссис Парсонс позвонила в колокольчик, чтобы принесли отбивные. Они все сели за стол, но ел один Джеймс. Родители, переполненные счастьем, лишь смотрели на него.

– Я заварила чай, но ты, если хочешь, можешь выпить кларет, – предложила миссис Парсонс.

За пять минувших лет Джейми не забыл, какое вино пьет его отец, поэтому предпочел чай.

– Думаю, чашка крепкого чая пойдет тебе на пользу. – Его мать кивнула, налила чаю и, как бывало в детстве, добавила молоко и сахар.

О предпочтениях Джейми никогда не спрашивали. Все делалось из лучших побуждений, исключительно для его пользы. Сладкое Джеймс терпеть не мог.

– Без сахара, мама, пожалуйста, – попросил он, когда она потянулась к сахарнице.

– Глупости, Джейми. – Миссис Парсонс добродушно и снисходительно улыбнулась. – Сахар тебе не повредит. – И положила в чашку два больших куса.

– Ты не спросил о Мэри, – заметил полковник Парсонс.

– Как она? – тут же поинтересовался Джеймс. – Где она?

– Потерпи немного – и будет здесь.

– Не знаю, что бы мы без нее делали, – вставила миссис Парсонс. – Она такая добрая, хорошая, скрашивала наши дни. Мы очень любим ее, правда, Ричмонд?

– Лучше девушки не встречал.

– И она такая заботливая. Ухаживает за бедняками, как настоящая медсестра. Мы говорили тебе, что Мэри жила у нас шесть месяцев, пока полковник и миссис Клибборн путешествовали по Европе. Никогда не сердилась, всегда весело улыбалась. У нее чудесный характер.

Эти добрые люди думали, что все это радует их сына. Он мрачно взглянул на них.

– Приятно, что она нравится вам.

Ужин подошел к концу, и миссис Парсонс на пару минут вышла из комнаты. Джеймс достал портсигар, предложил сигару отцу.

– Я не курю, Джейми, – сказал полковник.

Джеймс закурил. Полковник удивленно посмотрел на него, молча отодвинулся и сделал вид, что его ничего не беспокоит. Миссис Парсонс, вернувшись в комнату, полную табачного дыма, удивленно воскликнула:

– Джеймс! – В голосе ее звучал упрек. – Твой отец не переносит табачный дым.

– Сегодня это не имеет значения, – добродушно возразил полковник.

Но Джеймс, бросив сигару в камин, рассмеялся:

– Я совершенно забыл. Извини.

– Ты не писал нам, что начал курить, – осуждающе проговорила миссис Парсонс. – Ричмонд, может, открыть окна, чтобы проветрить комнату?

Послышался дверной звонок, а потом голос Мэри:

– Капитан Парсонс уже приехал?

– Это она, Джейми! – воскликнул полковник. – Поспешите же к ней, мой мальчик!

Но Джеймс медленно поднялся со стула. Он побледнел, и на его лице появилось странное выражение.

В комнату быстро вошла Мэри.

– Я прибежала, как только получила вашу записку. Здравствуй, Джейми!

Она повернулась к нему, улыбаясь, ее румяные щеки еще более покраснелись, глаза блестели от счастья. И казалось, что Мэри разрыдается.

– Ты не поцелуешь ее, Джейми? – удивился отец. – Тебе незачем стесняться нас.

Джеймс подошел к Мэри, взял ее за руки и поцеловал в подставленную щеку.

С первого взгляда было видно, что Мэри Клибборн здорова морально и физически. Никто не назвал бы эту девушку красавицей, но природа наградила ее хорошей фигурой, сильными руками и крепкими ногами. Не вызывало сомнений, что десятиминутная прогулка только взбодрит, а не утомит Мэри. И ее руки легко поднимали не только спицы для вязания. Мэри была типичной деревенской девушкой, с отменным здоровьем и чистой совестью, хоть и не слишком привлекательной внешне, но, безусловно, доброй. Ее лицо, сияющее счастьем, выражало уверенность в себе и жизнерадостность, а синие глаза – наивность и искренность. Добавьте к этому незатейливую прическу и загорелую от ветра и солнца кожу. Мэри нравилась любая погода, она обожала долгие прогулки во время грозы, когда дождь хлестал по щекам. И одевалась Мэри просто, в соответствии со своим характером, и никаких украшений не носила.

– Как жаль, что меня не было дома, когда ты приехал, Джейми, но Полсоны пригласили меня поиграть в гольф в Танбридж-Уэллс. Я прошла все лунки на один удар больше пара⁵, полковник Парсонс.

– Правда, дорогая? Так это очень хорошо!

Полковник и его жена обменялись радостными взглядами.

– Я сниму шляпу.

Она отдала Джеймсу матросскую шляпку и плотный твидовый плащ, чтобы он отнес вещи в прихожую, сама же осталась в блузке, велосипедной юбке и тяжелых туфлях с квадратными мысками.

– Скажи, что рад видеть меня, Джейми! – смеясь, воскликнула она. Ее громкому, чистому и сильному голосу, возможно, не хватало модуляций.

Сев рядом с Джейми, Мэри начала весело, с юмором рассказывать обо всем, чем занималась в этот день.

– Какой ты молчаливый, Джейми! – наконец заметила она.

– Ты еще не позволила мне вставить хоть слово. – Он сухо улыбнулся.

Все рассмеялись, готовые с восторгом выслушать любую, даже самую плохонькую шутку, а добродушное подшучивание они ценили больше всего.

– Ты устал? – спросила Мэри, и ее сверкающие весельем глаза выразили сочувствие.

– Немного.

– Ладно, сегодня не стану докучать тебе, но завтра покажешь, на что способен.

– У Мэри не забалуешь, – рассмеялся полковник. – Мы все должны делать то, что она говорит. Эта девушка обведет тебя вокруг своего маленького пальчика.

– Правда? – Джеймс посмотрел на крепкие туфли, которые выглядывали из-под короткой велосипедной юбки.

– Не пугайте его сразу по приезде! – воскликнула Мэри. – Кстати, завтра утром я не смогу к вам прийти. Мне нужно проведать больных, а Джейми едва ли настолько окреп, чтобы составить мне компанию. Рана все еще дает о себе знать, Джейми?

– Нет, – ответил он. – Хотя рука не обрела прежней силы и подвижности. Но скоро все будет хорошо.

– Завтра ты расскажешь нам об этом великом событии. – Мэри говорила о подвиге, за который его представили к награде. – Ты застал нас врасплох, приехав раньше, чем предполагалось.

⁵ Пар – количество ударов, которое игрок должен совершить на одной лунке или на всем поле при безошибочной игре.

– Правда? Сожалею.

– Разве ты ничего не заметил, приехав этим вечером?

– Нет. Уже совсем стемнело.

– Господи! Мы воздвигли триумфальную арку и собирались устроить большой праздник. Все школьники пришли бы, чтобы поздравить тебя с возвращением.

– Очень рад, что обошлось без этого. – Джеймс рассмеялся. – Мне бы все это не понравилось.

– Я не уверена, что обошлось. Мы еще подумаем.

Тут Мэри поднялась, собираясь уйти.

– В любом случае завтра в час дня мы все придем к обеду.

Все направились к двери, чтобы проводить ее, полковник и его супруга улыбнулись от удовольствия, когда Джеймс и Мэри обменялись поцелуем, как брат и сестра.

Наконец-то Джеймс остался один в своей комнате. Вздох облегчения сорвался с его губ... вздох, очень уж похожий на стон от боли. Привычным жестом он достал трубку и начал набивать ее, но, вспомнив, где находится, отложил в сторону. Джеймс знал, что отец крайне чувствителен к запахам. И если бы он закурил, очень скоро раздался бы стук в дверь, а потом вопрос: «В доме пахнет дымом. У тебя в комнате ничего не горит, Джейми?»

Он начал ходить взад-вперед. Потом в изнеможении опустился на стул. Открыл окно, выглянул в ночь, но ничего не увидел. Небо закрывали неподвижные облака, лицо обдувал свежий ветерок, напоенный ароматами весны. Тихо моросил дождь, и земля, казавшаяся истомленной, впитывала влагу с короткими вздохами облегчения.

Когда осуществляется то, чего долго ждешь, всегда наступает естественная реакция. Джеймс стремился к этой встрече отчасти с ужасом, отчасти с нетерпением, но теперь все закончилось, и его разум, смятенный и усталый, не мог привести мысли в порядок. Он сжал кулаки, пытаясь заставить себя сосредоточиться, понимая, что должен определиться с дальнейшими действиями, но нерешительность парализовала его. Джеймс так нежно любил своих близких, так желал им счастья, и однако... однако! Если он кого-то и любил больше, так это отца – из-за жалкой слабости, из-за хрупкости, которая, казалось, требовала защиты. Старик почти не изменился за пять лет. Джеймс помнил его тощим, сутулым и хилым, с длинными седыми волосами, зачесанными на макушку, чтобы скрыть лысину, с впалыми морщинистыми щеками и седыми усами, чуть прикрывающими мягкий безвольный рот. Если память не обманывала Джеймса, его отец был таким всегда: старым и изможденным; его синие глаза кротко смотрели на людей, манеры выдавали неуверенность в себе. Полковника Парсонса, похоже, любили за скромность: он никогда ничего для себя не требовал. Напоминал ребенка, вызывающего сочувствие своей полной беспомощностью, неприспособленностью к тяготам и лишениям жизни. У окружающих всегда возникало желание защитить его.

Джеймс также знал, каким горьким унижением стала для отца его досрочная отставка. Он помнил, с какой невыносимой болью старый солдат рассказывал ему о причине своего бесчестия, помнил пот, выступивший на его лбу. Сцена эта навсегда запечатлелась в памяти Джейми наряду с другой: когда он впервые увидел только что убитого человека, его мертвенно-бледное лицо, остекленевший, устремленный в пространство взгляд. Со временем он привык к этому.

Полковник Парсонс попал в беду по доброте сердечной, из-за любви ко всем, кого встречал на жизненном пути. Джеймс поклялся сделать все, чтобы уберечь отца от ненужных страданий. Не забывал он и мать, за сдержанностью которой видел мягкость и нежную любовь. Джейми знал, что для них во всем мире существует только он и лишь в его силах сделать их счастливыми или несчастными. Сила любви к сыну наделяла его родителей тонким чутьем: они всегда знали, что с ним происходит. В их письмах, несмотря на кажущуюся веселость, легко угадывалась затаенная тревога, а если он находился в опасности – мучительная душевная боль. Ради него они были готовы на все: во многом отказывали себе, лишь бы сын ни в чем не

нуждался. Всю жизнь они окружали его нежностью и заботой. И теперь твердо решили, что он должен жениться на Мэри Клибборн и сделать это быстро. Джеймс отвернулся от окна и, сжав голову руками, раскачивался из стороны в сторону.

– Я не могу, – простонал он. – Не могу!

Глава 3

Утром после завтрака Джеймс отправился на прогулку. Хотел подумать о том, что ему делать. Он понимал, что должен скорее определиться с этим. Нерешительность могла стать роковой, и все-таки незамедлительное объяснение казалось таким жестоким, таким бессердечным.

Чтобы ему никто не помешал, Джеймс прошел через сад к небольшому буковому лесу, где обожал играть мальчишкой. После ночного апрельского дождя день выдался теплым и ласковым, над головой синело чистое небо.

Войдя в лес, Джеймс постоял, вдыхая запах влажной почвы, роскошные ароматы нашей матери-земли, живущей молчаливой жизнью. На мгновение его опьянил этот свежий зеленый рай. Буки поднимались высоко-высоко в небо, и их тонкие ветви чернели на фоне молодых весенних листочков, нежных и ярких. Зелень казалась пухом, более легким, чем солнечный дождь, более прозрачным, чем туман на закате солнца. Зрелище это изгоняло мысли о том, как уныла жизнь, и чувство горечи. Свежесть и нежность листы очищала и Джеймса. Как дитя бродил он по мягкой неровной земле, изрытой ручейками талой воды.

Ее устилал слой опавших листьев, и Джеймс представил себе, как они шуршали осенью под лапами зайца или торопливо бегущей по ним белки. Длинные ветки вереска цепляли его за ноги, тут и там в укромных местах цвели примулы и фиалки. Он слушал пение птиц, такое радостное, что оно казалось невозможным в этом мире печали. Спрятавшись среди листы высоко на буке, выводили свои трели коноплянки, черные и обычные скворцы. Где-то далеко загадочно куковала кукушка, а еще дальше, будто эхо, ей отвечала другая.

Вся природа радовалась яркому солнечному свету, и только на его сердце лежала тяжесть. Джейми встал около сосны, более высокой, чем другие деревья, и напоминавшей мачту корабля. Она была прямая, как безупречная жизнь, но безрадостная, холодная, молчаливая. «И моя жизнь тоже безупречна, – подумал Джеймс, – была безупречна до этого дня». Он любил Мэри Клибборн. Но что это: любовь или привязанность, привычка, уважение? Других девушек Джейми не знал, они выросли вместе. Приезжая на каникулы из школы или позже из Сандхерста, он все время проводил с Мэри и скучал бы без нее. Довольно сильная, она могла играть в мальчишеские игры, и часто они даже думали одинаково. Те немногие, кто жил в Литл-Примптоне, постоянно виделись друг с другом, и хотя Танбридж-Уэллс находился всего в четырех милях, это расстояние мешало наладить близкие отношения с тамошними обитателями. Вполне естественно, что Джеймс не представлял себе будущего без Мэри. Без этой спутницы лежащая впереди дорога казалась длинной и ужасной. Когда Джеймса определили в полк, базирующийся в Индии, его огорчила перспектива долгой разлуки с привычной жизнью, но именно расставание с Мэри далось ему труднее всего.

– Не знаю, что я буду делать без тебя, Мэри, – говорил он.

– Ты забудешь нас всех, проведя месяц в Индии, – ответила она.

Но ее губы дрогнули, и Джейми заметил, что такой твердый тон давался ей нелегко. Она замялась, потом заговорила вновь:

– Для нас все по-другому. Те, кто уезжает, – забывают, а те, кто остается, – помнят. Мы всегда будем делать то, что напоминает нам о тебе. Но ты не забудешь меня, Джейми?

Последние слова вырвались сами, против ее желания.

– Мэри! – воскликнул он.

Он обнял Мэри, а она, положив голову на его плечо, заплакала. Джейми поцеловал ее, пытаясь остановить слезы, прижал к сердцу. Он действительно думал, что любит ее всей душой.

– Мэри, – прошептал он, – я небезразличен тебе? Ты выйдешь за меня?

И тут же объяснил, почему для них обоих гораздо лучше обручиться.

– Я долго не смогу жениться на тебе. Но ты будешь ждать меня?

Она улыбнулась сквозь слезы:

– Я буду ждать тебя до конца жизни.

От первых двух лет в Индии у Джеймса остались только приятные воспоминания. Впечатления новой жизни целиком захватили его, и разлуку с Мэри он переносил более спокойно, чем предполагал. Джейми всегда радовался, получая ее письма: они передавали атмосферу английской сельской глубинки, а мысль о том, что его будущее предопределено, согревала душу. Помолвка в известном смысле придавала устойчивость жизни, и Джеймс чувствовал, что в своем путешествии не сойдет с правильного курса. Он не спрашивал себя, есть ли оттенок страсти в его любви, ибо воспитание и образование убедили Джейми, что страсть не принадлежит к числу моральных ценностей. Правильную и надежную основу для брака составляли равное социальное положение и добрый характер, который поможет идти по жизни рука об руку. С ранней юности Джейми впитывал народную мудрость, слыша пословицы и поговорки о том, как важна осторожность, сколь бранны красота и желание и какую непреходящую ценность представляют собой честность, добродетель, семейная жизнь, покладистый нрав...

Но мы все знаем, что природа не признает приличий, считает, что у мужчин и женщин есть только один интерес, она присутствует везде и всюду, указывая каждому нужное ей направление. Все остальное вторично; природа не чувствительна к страданиям и смерти, безразлична к Десяти заповедям и к законам морали Добропорядочного общества.

В конце концов Джеймс свел знакомство с некоей миссис Причард-Уоллес, женой офицера полка, в котором служили индусы, миниатюрной, черноволосой, смуглой, с большими карими глазами... довольно обыкновенной, но на редкость симпатичной. Португалка из Гоа родила ее от мастера верховой езды, и случился даже небольшой скандал, когда Причард-Уоллес, отличный парень, женился на ней вопреки советам полковых дам. Но если эти сострадательные люди по-прежнему относились к ней настороженно, для других остроумие и привлекательность миссис Причард-Уоллес вполне компенсировали ее предполагаемые недостатки. Очень скоро эту даму окружала свита младших офицеров и им подобных, которые постоянно вились у ее юбок. Поначалу миссис Причард-Уоллес только забавляла Джеймса. Ее фривольность, циничные выражения, легкомыслие стали глотком свежего воздуха после удушливой пуританской атмосферы, в которой прошли его детство и отрочество. Джеймса изумляло, с каким веселым презрением она говорит о том, что казалось ему наиболее священным, например, о лондонском Тауэре и британской конституции. Предубеждения и милые сердцу догмы рассыпались в прах от ее добродушных насмешек. Эта женщина обладала способностью смотреть на мир с иронией, природа наделила ее удивительным женским даром представлять то, что казалось незыблемым, абсурдом. Видя в Джеймсе чудо простодушия, миссис Причард-Уоллес постоянно подсмеивалась над ним, потом он начал ей нравиться, она всюду брала его с собой, и ему это льстило.

Джеймсу с юных лет внушали, будто женщины вылеплены не из той глины, что мужчины, они не так грубы и менее приземленные. Он всегда думал, что женщины – добродетельные, нежные и невинные – знать не знают о неприятностях, которые преподносит жизнь, поэтому первая обязанность мужчины – оберегать их от этих неприятностей. Джеймс считал их эфемерными созданиями с благородными принципами. Ему и в голову не приходило, что они тоже из плоти и крови, им не чужды чувства, они могут вспыхивать, и у них есть нервы... да, прежде всего нервы. Очень и очень многое, естественно, не обсуждалось в их присутствии. Если на то пошло, разговоры следовало вести только о погоде.

Но миссис Причард-Уоллес обожала откровенные беседы, – красивым женщинам это свойственно в меньшей мере, чем простушкам, – и без малейшего колебания обсуждала с Джеймсом темы, которые он считал запретными. Ее весьма забавляли смущение Джеймса, колебания, неумение найти слова и высказаться о том, что его учили всегда держать при себе.

Иногда из чистого озорства миссис Причард-Уоллес рассказывала истории, которые должны были шокировать его, и наслаждалась натянутой вежливой улыбкой Джеймса, неодобрительным выражением его глаз.

– Вы такой забавный мальчик! – восклицала она. – Но вам необходимо проявлять осторожность. У вас явные задатки идеального ханжи.

– Вы так думаете?

– Вам надо попытаться хоть чуточку отступить от высоких нравственных принципов. Высоконравственный молодой человек – это довольно забавно для разнообразия, но со временем приедается.

– Если вам скучно со мной, только скажите, я больше не буду вам докучать.

– И высококонравственные молодые люди не должны сердиться. Это проявление дурных манер, – с улыбкой ответила она.

Не успев осознать, что произошло, Джеймс безумно влюбился в миссис Причард-Уоллес. Но эта любовь ничем не походила на то, что он питал к Мэри. Как он мог считать любовью жалкое чувство дружбы, управляемой здравомыслием, если теперь сгорал от неистовой страсти, иссушающей, как лихорадка? Эта женщина снилась ему по ночам. И жил он, казалось, только видя ее. При одном лишь упоминании ее имени сердце Джеймса трепетало, при встрече с ней он дрожал, словно от озноба. Оказавшись рядом, терял дар речи, в ее руках превращался в воск, воля и силы покидали его. От прикосновения ее пальцев кровь бросалась ему в голову, и, понимая это, она испытывала удовольствие. Ей нравилось видеть, как дрожь желания пробегает по его телу. Для человека сдержанного любовь – разрушающая сила. И теперь она сжигала Джеймса, пылая невидимым огнем. Джеймс сгорел бы дотла, обезумев от страсти, если бы внезапно, от случайно услышанного слова, не осознал, что происходит: он влюбился в жену своего друга Причард-Уоллеса. И Джеймс подумал о Мэри Клибборн.

Ни колебаний, ни сомнений Джеймс теперь не испытывал: он оказался в опасности, потому что не подозревал о ней. Джеймс и не помышлял предавать Мэри. Охваченный ужасом, он ненавидел себя. С обрыва он заглянул в пропасть, именуемую смертным грехом, и, содрогнувшись, отпрянул. Джеймс горько упрекал себя за легкомысленное поведение, которое едва не привело к катастрофе. Зато теперь он знал, что делать, знал, что должен убить в себе эту греховную любовь, чего бы это ему ни стоило.

Поклявшись себе никогда более не видеть миссис Причард-Уоллес, Джеймс подумал, что Бог на его стороне и помогает ему, поскольку через месяц она и ее муж отправлялись в Англию. Он подал прошение об отпуске. Решил уехать на несколько недель и вернуться уже после отъезда миссис Причард-Уоллес. Джеймсу удавалось избегать ее несколько дней, но однажды они случайно встретились, и он не успел ускользнуть незамеченным.

– Я не знала, что вы любите играть в прятки, – без обиняков заявила она. – По-моему, это довольно глупая игра.

– Не понимаю. – Джеймс побледнел.

– Почему вы избегаете меня, словно назойливого кредитора, и изобретаете жалкие предлоги, чтобы не приходиться ко мне?

Джеймс не знал, что ответить. Колени его дрожали, лицо заливал пот. Его охватила злобная, яростная страсть. Ему хотелось схватить эту женщину за горло и задушить ее. Он едва сдерживался.

– Вам известно, что я обручен и намерен жениться? – наконец спросил он.

– Необрученные младшие офицеры мне еще не встречались. Это самая отвратительная из их вредных привычек. И что с того? – Она смотрела на Джеймса и улыбалась, прекрасно зная силу своих темных глаз, обрамленных длинными ресницами. – Давайте без глупостей, – добавила она. – Приходите ко мне, принесите ее фотографию и два часа поговорите со мной о ней. Придете?

– Вы очень добры. Едва ли смогу.
– Почему нет? Это выглядит грубо.
– Я очень занят.
– Ерунда! Вы должны прийти. И не смотрите на меня так, будто я прошу вас сделать что-то ужасное. Жду вас к чаю.

Она заставила его дать слово, и Джеймсу пришлось прийти. Когда он показал миссис Причард-Уоллес фотографию, на лице ее появилось странное выражение. Снимок сделал сельский фотограф, неумело и безыскусно: застывшее лицо, уставившиеся в одну точку глаза. Кажется, Мэри напрочь лишена обаяния. И конечно же, миссис Причард-Уоллес не преминула заметить, что одета Мэри по деревенской моде.

– Просто удивительно, но все младшие офицеры обручаются с такими похожими друг на друга девушками.

Джеймс покраснел.

– Фотография не очень хорошая.

– Их всегда плохо фотографируют, – пробормотала миссис Причард-Уоллес.

– Она самая лучшая девушка в мире. Вы представить себе не можете, какая она хорошая, добрая и скромная. Она напоминает мне английский бриз.

– Не люблю восточные ветра, – покачала головой миссис Причард-Уоллес. – Но вижу, что у нее масса достоинств.

– Вы знаете, почему я пришел к вам сегодня?

– Потому что я заставила вас, – рассмеялась миссис Причард-Уоллес.

– Я пришел попрощаться. На месяц уезжаю в отпуск.

– Ох, но я уже уеду, когда вы вернетесь.

– Знаю. В этом-то и причина.

Миссис Причард-Уоллес быстро взглянула на него, замялась и отвела взгляд.

– Неужто все так плохо?

– Разве вы не понимаете? – внезапно воскликнул Джеймс, уже не в силах сдерживаться. – Я должен вам сказать. Больше я не увижу вас, поэтому мои слова не имеют значения. Я люблю вас всем сердцем и душой. Я не знал, что такое любовь, пока не встретил вас. Бог свидетель, с Мэри нас связывала только дружба! Тут совсем другое. Как же я ненавижу себя! Ничего не могу с собой поделать. Одно прикосновение вашей руки сводит меня с ума. Я не решусь увидеть вас вновь... я не подлец! Знаю, это безнадежно. И я дал слово Мэри.

Ее взгляд, голос, и половины его благородных намерений как не бывало. Он потерял контроль над собой... но лишь на мгновение, от укоренившихся привычек было не так легко избавиться.

– Простите меня! Не следовало мне этого говорить. Не сердитесь за то, что я сказал. Ничего не мог поделать с собой. Вы сочтете меня дураком, потому что я убегаю от вас. Но это все, что мне остается. Я не в силах преодолеть любовь к вам. Вы понимаете меня. Правда? Я знаю, вы больше никогда не захотите видеть меня, и это лучше для нас обоих. Прощайте.

Он протянул руку.

– Я не догадывалась, что все так плохо. – Она сочувственно смотрела на него.

– Разве вы не видели, как я дрожал, когда случайно касались меня? Не замечали, что я не мог говорить и слова застревали у меня в горле? – Джеймс тяжело опустился на стул, но тут же вскочил. – Прощайте! Позвольте мне уйти.

Она дала ему руку, а потом, то ли сочувствуя ему, то ли дразня его, подалась вперед и легонько поцеловала в губы. Джеймс вскрикнул, из груди его вырвалось рыдание, и он потерял контроль над собой. Неистово прижав ее к себе, он целовал ее губы, глаза, волосы. Напуганная его страстью, миссис Причард-Уоллес попыталась высвободиться, но Джеймс еще крепче прижал ее к себе и впился в губы.

– Что вы делаете? Отпустите меня! – Она оттолкнула его.

Осторожная миссис Причард-Уоллес, флиртуя, никогда не заходила слишком далеко, она привыкла к более безобидным ухаживаниям.

– Вы испортили мне прическу, глупый мальчишка! – Подойдя к зеркалу, она поправила волосы, а когда повернулась, Джеймса уже не было. – Что за странный тип! – тихо воскликнула она.

Для миссис Причард-Уоллес этот эпизод, в сущности, ничего не значил. Так, вероятно, отнеслась бы к своей любви и Федра, если бы страсть овладела ею в те времена, когда уже научились искусству жить, то есть не принимать ничего слишком близко к сердцу. Но Ипполит и в таком случае не избежал бы трагических последствий. Джеймс трудно сходил с людьми. К новым знакомым поначалу испытывал скорее враждебность, чем дружелюбное любопытство. Он был застенчив, даже общаясь с друзьями. Некоторые люди удивительно быстро находят подход к любому, но Джеймс словно отгораживался от всех невидимым барьером. Он не представлял себе, как может внезапно возникнуть глубокая взаимная симпатия, и относился к этому с недоверием. Знакомым Джеймс казался колодным и даже высокомерным, и он действительно так держался, чтобы скрывать свои чувства. И когда Джеймс влюбился, неизведанное чувство захватило его сильнее, чем обычных людей. Он обрел свободу. Так заключенный, выйдя из тюрьмы, словно впервые в жизни смотрит на деревья, на плывущие облака, на все, что окружает нас в этом мире. Какое-то время Джеймс наслаждался этой удивительной свободой, этим неопишуемым блаженством, благодаря которым вселенная обретала новые странные цвета. Но потом, узнав, что счастье – грех и ничего, кроме греха, добровольно вернулся в холодную тюрьму... До того как Джеймс попытался разрушить ее, он не подозревал, сколь сильна его страсть, не осознавал, что она превратила его в другого человека. Все, кроме этого чувства, стало бессмысленным. И он безжалостно терзал себя, подвергаясь душевным пыткам, чтобы очиститься от смертного греха.

Когда образ миссис Причард-Уоллес все же возникал перед мысленным взором Джеймса, он говорил себе, что она вульгарна, невоспитанна, злоупотребляет духами. Она же играла с Джеймсом, ничуть не задумываясь о том, как это отразится на нем. Стремилась получить удовольствие, не компрометируя себя. Из обрывков разговоров Джеймс понял, что он далеко не первый неопытный юноша, которого она завлекла нежными взглядами и лукавыми словами. Офицеры дали ей прозвище не слишком деликатное, но точно отражающее ее сущность. Все это Джеймс повторял себе сотню раз, убеждал себя, что миссис Причард-Уоллес и в подметки не годится Мэри, вспоминал многочисленные достоинства своей невесты: ее искреннюю веру, мягкий характер, доброе сердце. Она обладала всем, что мужчина хочет видеть в жене. И однако... однако во сне Джеймс видел, как говорит с другой, и дни напролет ее голос звучал в его ушах, а оживленная улыбка мелькала перед глазами. Он помнил каждое слово миссис Причард-Уоллес, обращенное к нему, помнил страстные поцелуи, которыми покрывал ее лицо. Разве он мог забыть все это? Джеймс проклинал себя, пытался изгнать назойливый образ, но ничто не помогало.

И время не лечило. С тех пор он больше не видел миссис Причард-Уоллес, но вспыхивал при одной мысли о ней. Джеймс сделал все, чтобы убить эту безумную, бессмысленную страсть, но она, как сорная трава, возникала вновь. Джеймс знал: его долг – жениться на Мэри Клибборн, но при этом чувствовал, что скорее умрет. По мере того как месяц проходил за месяцем и миг встречи приближался, нарастала жгучая тревога. Сомнения поселились в нем, и Джеймс не мог избавиться от них. Образ Мэри затуманился, стал далеким, бесформенным. Оставалось лишь надеяться, что его любовь вспыхнет вновь, когда он увидит ее, и убьет страсть, за которую он презирал себя. Война стала для Джеймса желанной отсрочкой, он даже подумал, что она дает ему шанс легко разрешить трудности. Потом последовали месяцы тяжелых испытаний и боев. Образ миссис Причард-Уоллес уже не так настойчиво преследовал его, и Джеймс

решил, что обрел свободу. Когда он лежал, раненный и слабый, у него появилось желание увидеть близких людей, вновь проснулась любовь к ним. Вспыхнула надежда, что встреча с Мэри пробудит прежнее чувство. Джеймс хотел этого всем сердцем.

Но, увидев Мэри, он почувствовал, что надеяться не на что. Она оставила его равнодушным. Джеймс услышал насмешливые слова миссис Причард-Уоллес: «Просто удивительно, но все младшие офицеры обручаются с такими похожими друг на друга девушками».

И теперь он не знал, что делать. Воспоминания только усиливали нерешительность. Внутренний голос говорил ему: «Подожди, подожди! Что-нибудь может случиться!» Действительно, стоило пустить все на самотек. Возможно – кому ведомо? – через день или два давняя привычка возьмет свое, и Мэри покажется ему такой же желанной, как и в лесу, когда он гулял с ней в последний раз. Джеймс вздохнул, огляделся... Птицы по-прежнему весело щебетали, белка прыгала с ветки на ветку, трава жадно тянулась к солнцу, и легкий ветерок шелестел в кронах деревьев. В солнечный день все живое наслаждалось жизнью, со всех сторон Джеймса окружали радостные, пестрые, разнообразные и беззаботные творения природы. И только печаль не отпускала его.

Глава 4

Вернувшись домой, Джеймс обнаружил, что викарий Литл-Примптона и его жена уже прибыли. Оба маленькие, высохшие, целеустремленные, но совершенно лишённые чувства юмора, – безусловно, прекрасные люди, но чем-то отталкивающие, похожие друг на друга, как две горошины. Никто не знал, чем обусловлено это сходство: двадцатилетней совместной жизнью или именно оно и соединило их. Уверенные до глубины души в своем божественном призвании, – миссис Джексон никогда не признавала, что жена викария стоит несколько ниже самого викария, – эти люди убеждали всех: весь мир принадлежит Богу, а они – его доверенные помощники, поэтому их первейшая обязанность – заботиться о делах ближних. Следует отметить, что они никогда не отлынивали от своих обязанностей. Ни он, ни она не получили хорошего образования, не обладали ни житейским опытом, ни тактом, но, даже не подозревая о том, что у них есть недостатки, они руководили паствой, направляя ее морализаторскими окриками и своим примером. Пусть и неуклюже, они показывали прихожанам, сколь труден путь к вечной жизни. Безусловно, достойные люди, они считали, что беспечность непристойна, постоянно творили добро, даже когда их не просили об этом. В своем рвении эти благочестивые люди не только взваливали на себя лишнюю ношу, но и перекладывали ее на других, полагая, что лишь те, кто несет эту ношу, попадут в рай.

Преподобного Арчибальда Джексона назначили в приход Литл-Примптон, когда Джеймс уже служил в Индии, поэтому он никогда не видел викария.

– Я говорила вашему отцу, – начала миссис Джексон, пожимая Джеймсу руку, – что вы, конечно же, благодарны за все, что даровано вам.

Джеймс бросил на нее взгляд.

– Говорили?

Джеймс не выносил, когда обсуждали вопросы, которые он считал глубоко личными.

– Мистер Джексон спросил, не захочешь ли ты произнести в следующее воскресенье короткую молитву, – уточнила его мать.

– Не захочу.

– Почему же? – удивился викарий. – Думаю, ваш долг – поблагодарить Создателя за благополучное возвращение, и уверен, что в этой благодарности к вам присоединятся ваши родители.

– Наша благодарность не уменьшится, – возразил Джеймс, – если мы не выразим свои чувства перед всей паствой.

Родители Джеймса с облегчением посмотрели на него: они думали точно так же, но, считая викария и его жену своими духовными наставниками, не решились бы отклонить их предложение. Лицо миссис Джексон выразило страдальческое изумление. Она повернулась к мужу, но появление супругов Клибборн и Мэри прервало разговор.

Полковник Клибборн, высокий, с блестящими волосами и кустистыми бровями, никому не позволял забыть о том, что он – кадровый военный. Помимо всего прочего, в этом убеждали его походка и манеры. Служил он в кавалерии и там пришел к выводу, что все, кто принадлежит к этому роду войск, представляют собой высшую ценность. Поэтому в отваге пехотинца Джеймса не было ничего исключительного. Считая себя непререкаемым авторитетом в вопросах ведения войны, он мог рассказать любому, какие ошибки допускались в Южной Африке и каким образом армии удалось бы избежать их. На службе полковник познакомился с английской знатью и называл ее представителей только по имени. Каждый сезон он три недели проводил в Лондоне, обедал поздно, в семь часов, то есть имел все основания причислять себя к тем, кто шагает в ногу со временем.

– Не знаю, что бы они без нас делали в Литл-Примптоне, – говорил он. – Только мы и поддерживаем здесь жизнь.

Но миссис Клибборн не хватало светского общества.

– Здесь я могу общаться только с Парсонсами, – объясняла она мужу. – Они очень хорошие люди... но всего лишь пехота, Реджи.

– Разумеется, всего лишь пехота, – соглашался полковник Клибборн.

Миссис Клибборн считалась полковой красавицей. В пятьдесят лет она слегка располнела, но это ничуть не мешало этой даме использовать оружие, дарованное ей природой, против естественных врагов ее пола. Общение с несколькими поколениями воздыхателей привело к тому, что томные взгляды вошли у нее в привычку, и она уже подсознательно пользовалась ими, даже заказывая товар у мясника или разговаривая с мистером Джексонем. При этом ее тон и выражение лица намекали на то, что речь идет о чем-то нежном и волнующем. У сослуживцев мужа она пользовалась необычайным успехом, потому что относилась к тем любительницам флирта, с которыми не нужно ходить вокруг да около. Сосед за обеденным столом, даже никогда не видевший ее раньше, уже за супом без колебаний говорил ей, что она самое очаровательное создание, а за *entrée*⁶ – обожает ее.

Войдя, миссис Клибборн бросила взгляд на Джеймса и на несколько мгновений застыла, не произнося ни слова и склонив голову набок.

– Ох, как чудесно! – наконец воскликнула она. – Наверное, теперь мне негоже называть тебя Джейми. – Миссис Клибборн говорила очень медленно, ее голос ласкал слух. Она вновь посмотрела на Джеймса в молчаливом восторге. – Полковник Парсонс, как вы, должно быть, горды! И когда я думаю, что скоро он будет моим сыном! Какой ты худой, Джеймс!

– И как хорошо выглядите вы, дорогая миссис Клибборн!

Все понимали, что ей положено говорить комплименты. Не слыша их, она злилась и портила всем настроение.

Она улыбнулась, чтобы продемонстрировать действительно великолепные зубы.

– Мне хочется поцеловать тебя, Джеймс. Вы позволите, миссис Парсонс?

– Конечно, – ответила мать Джейми, которой совсем не нравилась миссис Клибборн.

Подставив щеку Джеймсу, миссис Клибборн изобразила неземное блаженство, когда он коснулся ее губами.

– Я всего лишь старая женщина, – шепотом сообщила она всем.

Миссис Клибборн редко произносила больше одной фразы кряду, и после каждой на ее лице появлялось соответствующее выражение: игривое, мечтательное, смиренное, как того требовали обстоятельства. Мистер Джексон подошел, чтобы пожать ей руку, и она устремила томный взгляд на него.

– Ах, мистер Джексон, какую прекрасную вы прочитали проповедь!

Они сели за стол и съели суп из бычьих хвостов. Страшно подумать, на какие ухищрения пускается сатана, чтобы подобраться к истинно верующим; и суп посреди дня – одна из его наиболее опасных уловок, на которую так легко попадают простодушные селяне и жители пригородов: среди них грех этот наиболее распространен.

Джеймс сидел рядом с миссис Клибборн, и вскоре она повернулась к нему с меланхолической улыбкой, всегда казавшейся ей самой действенной.

– Расскажите нам, как вы заслужили крест Виктории.

Другим тоже хотелось услышать этот рассказ из уст героя, но деликатность не позволяла задать этот вопрос. К счастью, миссис Клибборн таким недостатком не страдала, и теперь все желали воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами.

– Мы все ждали этого с нетерпением, – поддержал миссис Клибборн викарий.

⁶ Основное блюдо (*фр.*).

– Едва ли здесь есть о чем рассказывать, – ответил Джеймс.

Отец и мать смотрели на него счастливыми глазами, и полковник кивнул Мэри.

– Пожалуйста, Джейми, расскажи нам, – попросила она. – Мы видели только короткую статью в газетах, и ты ничего не писал об этом в своих письмах.

– Думаете, мне самому уместно рассказывать об этом? – Джеймс мрачно улыбнулся.

– Здесь ваши друзья, – заметил викарий.

А полковник Клибборн добавил, с восхищением глядя на жену:

– Ты не можешь отказать даме!

– Я старая женщина, – скорбно вздохнула миссис Клибборн. – И не жду, что он сделает это для меня.

Миссис Клибборн принадлежало лишь одно разумное изречение: она говорила, что старость начинается в тридцать лет, но, впрочем, не относилась к этому серьезно. Должно быть, она повторяла сотням молодых офицеров, что годится им в матери, и печально смотрела в потолок, когда они сжимали ее руку.

– Ничего удивительного я не сделал, – наконец сказал Джеймс, – да и пользы это не принесло.

– Любое доброе деяние приносит пользу, – назидательно вставил викарий.

Джеймс посмотрел на него и продолжил:

– Я лишь попытался спасти жизнь младшему офицеру, который только-только приехал в полк... но мне не удалось.

– Вы не передадите мне соль? – попросила миссис Клибборн.

– Мама! – воскликнула Мэри и посмотрела на миссис Клибборн с легким раздражением, ей не свойственным.

– Продолжай, Джейми, мой мальчик, – приободрила сына миссис Парсонс.

И Джейми, заметив, какую гордость выразило осунувшееся лицо отца, продолжил, обращаясь только к нему одному. Другие не понимали, какую боль доставляют их восхищенные восклицания, а отец трогательно сочувствовал ему.

– Этот Ларчер, восемнадцатилетний юноша со светлыми волосами и синими глазами, выглядел совсем мальчиком. Его родители живут где-то неподалеку, около Эшфорда.

– Ты говоришь, Ларчер? – переспросила миссис Клибборн. – Никогда не слышала этой фамилии. Они не из нашего графства.

– Продолжай, Джейми. – В голосе Мэри слышалось нетерпение.

– Он пробыл с нами три или четыре недели, но я довольно много от него узнал. Странно, конечно, но он очень привязался ко мне. Отличный парнишка, умный, увлеченный, искренний. Я не раз говорил ему, что его место в школе, а не на войне.

Миссис Клибборн глупо улыбалась, и лицо ее выражало девическую невинность.

– Мы знали, что через день или два произойдет сражение. Вечером перед битвой мы разговорились с молодым Ларчером. «Как ты себя чувствуешь?» – спросил я. Он ответил не так быстро, как обычно. «Знаешь, я ужасно боюсь, что струшу». «В этом нет ничего страшного, – рассмеялся я. – В первом бою почти все трусят. Вначале приходится изо всех сил сдерживаться, чтобы не убежать, но потом все встает на свои места, и это кажется тебе чем-то вроде охоты». «Я предчувствую, что меня убьют», – признался он. «Глупости, – возразил я. – Когда мы впервые попадаем под огонь, всех охватывает такое предчувствие. Если бы погибали все, у кого такое предчувствие, наша армия давно бы отправилась на небеса».

– Вам следовало сказать ему, что он должен вверить себя Господу, которому под силу отвести пулю и сломать меч, – вставила миссис Джексон.

– Он был не из таких, – сухо ответил Джеймс. – Я подтрунивал над ним, думая, что это лучший способ поднять ему настроение. На следующий день мы действительно вступили в бой. Нам приказали занять пустующий холм. Мы полагали, что холм пустует, пока с него не

начали стрелять. На холме окопались буры. Они выждали, пока мы подойдем на расстояние выстрела из детского пистолета, а потом открыли шквальный огонь. Мы делали все, что могли. Попытались взять вершину штурмом, но шансов не было. Люди падали, как кегли. Я никогда не видел такого. Мы получили приказ стрелять, но какой смысл стрелять по голым камням, за которыми попрятались буры? Нам пришлось отойти, не оставалось ничего другого, и тут выяснилось, что юный Ларчер ранен. Подумав, что нельзя оставлять его там, где он упал, я вернулся к нему и спросил, может ли он идти. «Нет, – ответил он. – Меня ранило в ногу». Я опустил его на колени и перетянул ему ногу выше раны, чтобы он не истек кровью. Все это время братья-буры непрерывно палили по нам. «Как ты?» – спросил я. «Немного кружится голова, а так – ничего, – ответил он. – Я не струсил, правда?» – «Нет, конечно, нет, не говори глупостей. Как по-твоему, сможешь идти?» – «Попытаюсь». Я поднял его на ноги, обнял, и мы немного прошли, а потом он сильно побледнел и простонал: «Мне так плохо, Парсонс», – и потерял сознание. Пришлось нести его, мы отошли от буров, и тут меня ранило в руку. «Слушай, я больше не могу тебя нести, – сказал я ему. – Ради Бога, очнись». Он открыл глаза, одной рукой я поддерживал его, не давая упасть. «Думаю, я смогу идти...» И когда он произносил эти слова, пуля попала ему в шею, и его кровь брызнула мне в лицо. Он ахнул и умер.

Джеймс закончил, его мать и Мэри вытирали слезы. Миссис Клибборн обратилась к мужу:

– Реджи, я уверена, что Ларчеры не из нашего графства.

– Дорогая, в Симле⁷ мы познакомились с военным инженером с такой фамилией.

– Я знала, что где-то слышала эту фамилию! – Голос миссис Клибборн торжествующе звенел, словно ей удалось разгадать очень трудную загадку. – У него были рыжие усы.

– Родители этого молодого человека связывались с вами, капитан Парсонс? – спросила миссис Джексон.

– Я получил письмо от миссис Ларчер, матери юноши. Она просила заехать к ней.

– Она должна быть очень признательна тебе, Джейми.

– Почему, Мэри? На то нет причин.

– Ты сделал все, что мог, чтобы спасти ее сына.

– Было бы лучше, если бы я не пошел к нему. Он даже мог остаться жив, если бы я не повел его к своим. Его взяли бы в плен и отправили в Преторию, но все лучше, чем гнить в вельде. Ларчера убили, потому что я пытался спасти его.

– Смерть – не самое страшное, – заметил полковник Парсонс. – Я часто думал о том, что те парни, которые сдавались, поступали мужественно. Легко стоять и ждать, пока тебя пристрелят, но требуется недюжинное мужество, чтобы выбросить белый флаг и спасти жизни многих и многих.

– Такое мужество встречается довольно часто, – сухо ответил Джеймс. – И в Претории эти люди неплохо проводят время. Со временем, думаю, войны станут бескровными. Соперничающие армии будут перемещаться, и если одной удастся занять господствующие позиции, вторая тут же сдастся. Кампании будут проводиться, как маневры, и независимые наблюдатели решат, кто победил.

– Если их окружили и выйти из окружения нет никакой возможности, не выбросить белый флаг – это преступление, – заявила миссис Джексон.

– Видать, вы знаете об этом больше меня, – усмехнулся Джеймс.

Но жена викария настаивала:

– Если на одной чаше весов ваша жизнь и жизни ваших людей, а на другой – необходимость сдать в плен, что вы выберете?

⁷ Симла – округ в Британской Индии.

– Нельзя сказать наверняка, и об этом лучше не рассуждать. Смерть, конечно, ужасна, но наши отцы предпочитали смерть плену.

– Война отвратительна! – По телу Мэри пробежала дрожь.

– О нет! – воскликнул Джеймс, преодолевая уныние. – Нет ничего прекраснее войны. Я никогда не забуду те редкие минуты, когда мы сходились с бурами врукопашную и боролись с ними один на один, как в давние времена. Ах, только ради этого стоит жить! Однажды, помню, как-то утром они сильно навалились на нас, и мы несли потери. Но наконец ворвались на их позиции и, клянусь Юпитером, задали им жару! Как же мы ненавидели их! Слышали бы вы, как ругались солдаты, убивая. Это так вдохновляло – мысли о том, что мы вновь берем верх над врагом. Клянусь Богом, петушиные бои не идут с этим ни в какое сравнение!

Щеки Джеймса покраснелись, глаза сверкали, но он забыл, где находится, и голос отца донесся до него сквозь туман крови и шум боя:

– Я тоже сражался. – Полковник Парсонс говорил, глядя на сына, в глазах застыла тревога. – Я тоже сражался, но без злобы в сердце, без жажды мести. Надеюсь, я выполнял свой долг, но никогда не забывал, что мой враг – человеческое существо. Я никогда не испытывал радости, убивая, только боль и печаль. Война неизбежна, но она ужасна, ужасна! Лишь справедливый повод может оправдать войну, но потом все это надо искупать милосердием и прощением.

– Повод? Да каждый повод справедливый. Не припомню ни одной войны, в которой обе стороны не могли бы назвать справедливого повода, чтобы развязать ее. Если выслушать каждую из сторон, получится, что обе убеждены в справедливости своих действий.

– Не могут быть обе правы.

– Очень даже могут. Просто одна сторона говорит шесть, а вторая – полдюжины.

– То есть ты, военный, думаешь, что буры ведут справедливую войну? – рассердился полковник Клибборн.

Джеймс рассмеялся.

– Вы должны помнить, что в тех случаях, когда воюют любые страны, кроме Англии, наши симпатии на стороне стойких крестьян, защищающих свою независимость. Две самые мощные силы в мировых делах – сентиментальность и собственные интересы. Буров меньше, они более слабая страна, и их бьют. Естественно, мы должны симпатизировать им. По этой же причине мы симпатизировали французам после франко-прусской войны. Но если мы сражемся сами, нам не до сантиментов. Для нас это вопрос жизни и смерти, и меня интересовало, скоро ли англичане откажутся от идеи честной игры и равных условий, раз уж резервы у нас есть. И наконец, здесь забыли, что один сражающийся англичанин равен десяти иностранцам, и настояли на том, чтобы послать как можно больше войск. Как я понимаю, правительство запаниковало.

Джеймс видел, что слушатели смотрят на него с удивлением, даже с испугом, и поспешил пояснить:

– Разумеется, я не виню их. Они правы в том, что посылают как можно больше солдат. Цель войны – не подвиги, а победа. Одно дело, когда силы равны, но десятикратный перевес, несомненно, лучше. Героизма меньше, зато больше благоразумия.

– Ты лишаешь войну благородства и рыцарства! – воскликнула Мэри. – Единственное оправдание войны в том, что она позволяет человеку проявить свои самые благородные черты – самопожертвование, бескорыстие, мужество.

– Но войне не нужны оправдания, – мягко улыбнулся Джеймс. – Многие люди говорят, что война бесчеловечна и абсурдна. Многие люди необычайно глупы. Думая, что без войны можно обойтись, они демонстрируют феноменальное невежество, не понимают, что такое развитие. Война в том или ином виде идет повсюду. Не только между водой и огнем, но и повсеместно во всей природе. Это условие существования всего созданного. Даже дикие цветы на

лугу ведут войну и воюют подчас более безжалостно, чем человек, потому что их поражение равносильно гибели. Закон природы – приспособленный убивает неприспособленного. Бог – Господь сил. Хромой, слабый и слепой остаются позади, тогда как сильный человек радостно продолжает путь.

– Как ты жесток! – воскликнула Мэри. – Неужели в тебе нет жалости, Джеймс?

– Не знаю, у меня сложилось впечатление, что в мире слишком много жалости. Люди теряют самообладание. Реальность шокирует их, и они праздно живут, довольствуясь ложными идеалами. Сентиментальные люди, трусы и безумцы сломили дух человечества. Теперь во время сражения генерал боится нанести удар, опасаясь, что погибнут его люди. Но иногда имеет смысл терять людей. Становясь солдатами, мы знаем, что перестаем быть человеческими существами, превращаясь в инструменты для выполнения определенной работы. Мы знаем: иногда, чтобы осуществить замысел генерала, нам суждено умереть. Нет у меня доверия к командиру, у которого доброе сердце. Сострадание подтачивает разум, а результатом, и слишком часто, становится беда.

Но еще произнося эти слова, Джеймс вдруг осознал, как воспримет их его отец. Он вырвал бы себе язык, отдал бы что угодно, чтобы забрать их назад. Его отец из жалости и гуманизма совершил именно такую фатальную ошибку, побуждаемый добротой сердца. Пытался спасти жизни, а это привело к многочисленным смертям и поражению. И теперь отец воспринимал эти бездумные слова как сознательное обвинение, рана, едва затянувшаяся, открылась вновь. Об этом позаботился его сын, и Парсонс снова страдал от унижения, едва не убившего его.

Полковник сидел неподвижно, словно громом пораженный, и смотрел на Джеймса с ужасом и болью. Он выглядел как зверек, загнанный в угол, но при этом изумляющийся жестокости человека.

«Что же мне делать? – подумал Джеймс. – Как успокоить и отвлечь его?»

Разговор продолжили Клибборны и викарий, понятия не имея о том, какая трагедия совершается у них на глазах. Джеймс смотрел на отца. Ему хотелось показать, что он глубоко сожалеет о том, что причинил ему боль, но у него не нашлось слов. Ему хотелось выразить отцу свою любовь, и он мучился из-за того, что это никак не получалось.

К счастью, пришла служанка и сказала, что у дома ждут школьники. Они пришли поздравить капитана Парсонса с возвращением в родной дом. Все поднялись из-за стола.

Глава 5

Полковник Парсонс и его жена не хотели устраивать никаких торжеств по случаю возвращения Джеймса, но уступили настояниям Мэри и мистера Драйленда, младшего приходского священника, утверждавшего, что общественная церемония, несомненно, поднимет дух Литл-Примптона. Никому нельзя уклоняться от исполнения своих обязанностей, и капитан Парсонс должен позволить своим землякам из Литл-Примптона показать, как высоко они оценивают его героическое деяние.

Викарий высказался в том духе, что торжественная встреча героя подействует на прихожан столь же благотворно, как и его проповедь, а также покажет Джеймсу, молодому и, возможно, беззаботному человеку, какая теперь на нем лежит ответственность. Но неожиданное прибытие Джеймса спутало все карты, и мистер Драйленд в полном замешательстве отправился к Мэри.

– Что же нам делать, мисс Клибборн? Школьники будут разочарованы.

Согласно первоначальному плану они собирались встретить героя по пути со станции к Примптон-Хаусу, и младший священник не хотел от этого плана отказываться.

– Как по-вашему, не смог бы капитан Парсонс поехать в Танбридж-Уэллс и вернуться оттуда в два часа, словно прибыл на поезде?

– Боюсь, он не сделает этого, – ответила Мэри. – Думаю, только посмеется, услышав мою просьбу. Он очень рад, поскольку уверен, что ему удалось избежать торжеств.

– Правда? Не зря же говорят, что истинная храбрость всегда скромна! Но Литл-Примптон покроет себя вечным позором, если мы не окажем нашему герою горячий прием, тем более что для этого все готово. Нельзя допустить, чтобы на Литл-Примптон тыкали пальцем, говоря, будто город не почтил человека, награжденного Империей.

Обсудив множество вариантов, они решили, что процессия должна подойти к Примптон-Хаусу в назначенное время. Тогда капитан Парсонс услышит все обращенные к нему теплые слова, стоя под триумфальной аркой... И когда служанка объявила, что к торжественной церемонии все готово, а ее слова подкрепила музыка духового оркестра, Мэри торопливо объяснила Джеймсу, чего от него ждут, и они все направились к входной двери.

Примптон-Хаус выходил на общественное пастбище, другую сторону которого занимали маленькие лавочки, украшенные флагами. Там же, только ближе к дороге, ведущей в Грумбридж, бок о бок в дружеском соседстве стояли церковь и паб, с водруженным над каждым «Юнион Джеком». Все вокруг – и высокие каштаны у дороги, и зеленая трава, и домики – радовало глаз. То была типичная и не меняющаяся с давних пор английская глубинка. Даже солнце в тот день мягко светило, напоминая добродушную улыбку пожилого джентльмена. Младший священник, блюститель порядка, организовал все в лучшем виде. Справа стояли мальчишки, чисто вымытые, с напомаженными волосами. Помада издавала приятный запах. Девочки и учителя стояли слева, а в центре расположились духовой оркестр, хор и сам мистер Драйленд. Подтянувшиеся жители городка разинули от восхищения рты. Маленькая группа, вышедшая из дома, прошествовала к воротам и остановилась под триумфальной аркой. Лица Клибборнов выражали легкое пренебрежение, но поскольку все, и гости, и хозяева, были в парадной одежде, выглядели они весьма впечатляюще.

Убедившись, что все на месте и можно начинать, мистер Драйленд выступил вперед, повернулся спиной и виновнику торжества, лицом к музыкантам и многозначительно кашлянул. Подняв над головой большую белую руку, он вытянул указательный палец и начал дирижировать. Он громко запел, и хор, на мгновение замешкавшись, присоединился к нему. Тут же заиграл и оркестр.

Вот идет герой-победитель!
Пойте трубы, барабаны гремите!⁸

Вдохновленный ораторией, младший священник поднял и вторую руку, в которой держал мягкую фетровую шляпу. Он начал дирижировать и ею.

В конце строфы исполнители жадно хватали ртами воздух, а потом, словно испугавшись, что отстанут, рванули вперед, немного вразнобой, но в конце концов все добрались до завершающего «Аминь».

Когда затихла последняя нота последнего корнета, мистер Драйленд подал знак лучшему ученику школы, тот выступил вперед и, взмахнув кепкой, прокричал:

– Трижды ура капитану Парсонсу, кавалеру креста Виктории!

Тут младший священник, вытерев вспотевший лоб, повернулся к воротам и откашлялся.

– Капитан Парсонс, – начал он громко и отчетливо, чтобы все услышали его приветствие, – мы, жители Литл-Примптона, рады приветствовать вас дома. Мне незачем говорить, что для нас великая радость – собраться здесь, чтобы поздравить вас с благополучным возвращением, и порадоваться за ваших близких, с таким нетерпением ожидавших вас. Мне незачем говорить, что второго такого места, как дом, нет. («Истину глаголет, истину!» – вставил викарий.) Мы гордимся тем, что наш прихожанин покрыл себя неувядаемой славой и за свои подвиги удостоен креста Виктории. Теперь Литл-Примптон может не тушеваться в обществе самых гордых городов Империи. Вы честно выполнили свой долг, и отблески вашей славы озарили весь город. Вы показали англичанам, как надо умирать. Вы показали континентальным странам, что непорочность и любовь к Богу старой Англии по-прежнему приносят плоды. Больше я ничего говорить не буду; хотел лишь произнести несколько приветственных слов от лица тех, кто, возможно, не смог бы этого сделать, как я. Больше ничего говорить не буду. Капитан Парсонс, мы надеемся, что вы будете жить долго, наслаждаясь заслуженными честью и славой, рядом с той, кто скоро станет вашей женой. Хочу заверить вас: ваш пример вдохновляет нас всех. Мы все чувствуем, что можем стать лучше, благороднее и еще неукоснительнее следовать христианским заповедям. И теперь, когда вы преодолели все опасности и лишения, когда благополучно вернулись в лоно любящей семьи, мы говорим вам: возьмите ту, которая тоже являла нам пример смирения, мужества и... э... смирения. Возьмите ее, говорим мы, и будьте счастливы. Заверяю вас, что все жители Литл-Примптона питают к вам уважение, почтение и любовь. Джеймс Браун, удостоенный чести носить то же христианское имя, что и вы, лучший ученик приходской школы, сейчас прочитает короткое стихотворение, которое называется «Касабьянка»⁹.

Мистер Драйленд хотел написать оду для столь торжественного события и в ней намеревался тепло приветствовать вернувшегося домой героя, прославить его подвиг и показать благотворное влияние этого подвига на моральный дух городка. К сожалению, к замыслу мистера Драйленда муза проявила полное равнодушие, что выглядело особенно прискорбно в свете безупречной нравственности elite¹⁰ Литл-Примптона, исповедуемых ею высших идеалов и принципов, на которых строилась церковь. Не говоря уже о любви к литературе. Эти люди читали все дневные газеты, а мистер и миссис Джексон еще выписывали «Чёрч таймс». Мэри знала наизусть многие стихотворения и даже поэмы сэра Льюиса Морриса¹¹, а мистер Драйленд декламировал Теннисона на лекциях с платой за вход в один пенс. Но в этом случае нужно было вдохновение, поэтому не помог и словарь рифм, за которым младший священник посы-

⁸ Оратория Георга Генделя «Иуда Маккавей», либретто Томаса Морелла, написанная в 1746 г.

⁹ «Касабьянка» – стихотворение английской поэтессы Фелиции Хеманс, посвященное Джоканте Касабьянке, героически погибшему юнге, сыну капитана французского флагманского корабля «Ориент».

¹⁰ Элита, сливки общества (*фр.*).

¹¹ Моррис, Льюис (1833–1907) – английский поэт, произведенный в рыцари в 1895 г.

лал в Лондон. В конце концов они приняли решение прочитать известное стихотворение, более всего соответствующее предстоящему событию и призванное показать духовную общность простых, богобоязненных жителей городка, их прекрасный литературный вкус. Конечно же, выбор пал на «Касабьянку».

Лучший ученик выступил вперед – его чтение не раз прослушал и одобрил мистер Драйленд – и продекламировал бессмертные строки Фелиции Хеманс, в нужных местах усиливая слова жестами:

На пылающей палубе мальчик стоял,
И все, кто смог, ее уже покинул.
В огне, что горящий корабль освещал,
Лишь мертвые тела вокруг он видел...

Когда он закончил под негромкие аплодисменты тех, кто стоял под аркой, мистер Драйленд объявил следующий номер программы:

– Полли Гейм, лучшая ученица приходской школы, сейчас вручит мисс Клибборн букет. Ну же, Полли.

Об этом сюрпризе младший священник никому не говорил и теперь любовался радостным восхищением, осветившим лицо Мэри.

Полли Гейм вышла из строя и произнесла короткую речь, прозвучавшую, по мнению мистера Драйленда, искренне и естественно:

– Пожалуйста, мисс Клибборн, мы, девочки Литл-Примптона, хотим подарить вам этот букет в знак уважения. Мы желаем вам долгой жизни и семейного счастья с вашим избранником.

После этого она протянула Мэри туго увязанные цветы в гофрированной бумаге. Букет напоминал баранью ногу.

– А теперь мы все споем псалом сто тридцать седьмой, – объявил мистер Драйленд.

Псалом спели громко и энергично, а миссис Клибборн с нежной улыбкой прошептала миссис Парсонс, как приятно видеть такой энтузиазм у низших классов. Едва музыка затихла, возникла короткая пауза. Потом викарий, откашлявшись, выступил вперед.

– Капитан Парсонс, леди и джентльмены, прихожане Литл-Примптона. Хочу воспользоваться предоставленной мне возможностью и сказать несколько слов.

Викарий произнес превосходную речь. Банальные мысли, наглядные наблюдения, понятная мораль. Все фразы заканчивались звонким словом, указывая на его блестящие ораторские способности. Мистера Джексона везде слушали с удовольствием, и короткие резюме не позволяли оценить речи викария по достоинству из-за его склонности к пустословию. Незачем упоминать о том, что, закончив, он предложил еще раз приветствовать героя и слушатели восторженно на это откликнулись.

Джеймс счел празднество безвкусным и нелепым, хотя, занятый мыслями об отце, едва замечал, что происходит. Поначалу полковник Парсонс, погрузившись в глубокую депрессию, не обращал внимания на церемонию, и его взгляд то и дело возвращался к Джеймсу, а тот был в отчаянии от того, что так глубоко огорчил отца. Но возраст и слабость не позволяли полковнику слишком долго сосредотачиваться на чем-то одном. Время – лучший лекарь. Очень скоро старик забыл о жестоких словах сына, начал улыбаться, его лицо вновь выражало гордость и счастье.

Несмотря на это, Джеймс чувствовал, что должен искупить свой грех. Как только викарий замолчал, Джеймс понял, что от него ждут ответа. Он тут же подумал, что ему предоставляется возможность искупить вину перед отцом. Джеймсу претило выступать перед слушателями, но

он смирился с этим. Никто, кроме него, не представлял себе, какая мука обращаться к глупым любопытным людям.

– Я очень благодарен вам всем за теплый прием, – начал он.

Голос дрожал от волнения и едва подчинялся ему, кровь прилила к лицу. Джеймсу казалось унижительным говорить все, что накопилось у него на душе. Он боялся сделать признание, волновался, что не сумеет выразить свои мысли. Заметил он и репортера местной газеты, который что-то торопливо записывал.

– Я очень тронут вашей добротой. Разумеется, я безмерно горжусь тем, что награжден крестом Виктории, но убежден: всем случившимся со мной я обязан моему отцу. Вы все знаете моего отца, знаете, каким храбрым он был солдатом. Благодаря его примеру, наставлениям и постоянной заботе мне удалось сделать ту малость, за которую меня сейчас хвалят. И я должен сказать, что обязан всем ему и моей матери. Мысль о безупречной и блестящей карьере отца, живущий в нем дух победителя поддерживали меня в трудные минуты. И я всегда старался доказать, что достоин моего отца и имени, унаследованного от него. Вы прокричали «ура» в мою честь, за что я очень вам признателен, а теперь прошу вас трижды прокричать «ура» в честь моего отца.

Полковник Парсонс повернулся к сыну, как только тот заговорил. Когда он понял значение слов Джейми, глаза его наполнились слезами счастья и благодарности. Воспоминания о том, что случилось за обеденным столом, рассеялись как дым, он испытывал только радость. Полковник даже подумал: «Теперь я могу умереть счастливым!» Потрясенный до глубины души, он совершенно не стыдился слез, достал из кармана носовой платок и неспешно вытер щеки.

Оркестр заиграл «Правь, Британия!» и «Боже, спаси королеву!», а потом все отбыли в порядке, установленном мистером Драйлендом. Те, кто стоял под триумфальной аркой, тоже разошлись. Джексоны и чета Клибборнов отправились по своим делам, Мэри вернулась в дом.

Она взяла Джейми за руки, и ее глаза заблестели от слез.

– Ох, Джейми, ты такой хороший! Как прекрасно ты говорил об отце! Ты не знаешь, что осчастливил его.

– Очень рад, что тебе понравилось, – серьезно ответил Джеймс. Он наклонился, обнял Мэри за талию и поцеловал.

На мгновение она прижалась к его плечу, но на том все и закончилось. Больше всего ей хотелось держаться стойко, как и положено жене солдата. Так что Мэри не поддавалась эмоциям и выскользнула из рук Джейми.

– Я должна бежать, не то мама рассердится на меня. До скорого свидания.

Джеймс прошел в гостиную, где его отец, утомленный переживаниями дня, пытался обрести душевный покой, читая передовицы утренней газеты. Миссис Парсонс сидела на своем привычном стуле, вязала и приветствовала сына любящей улыбкой. Джеймс видел, что они довольны произнесенной им не очень-то складной речью. Слова, которые все еще звучали в его ушах, ему самому казались сентиментальными и претенциозными, но он чувствовал, что его родителей они очень порадовали.

– Мэри ушла? – спросила миссис Парсонс.

– Да. Сказала, что ее мать рассердится, если она останется.

– Я заметила, что миссис Клибборн расстроилась. Наверное, потому, что в центре внимания оказалась не она. Думаю, она самая безнравственная женщина из всех, кого я знаю.

– Фрэнсис! Фрэнсис! – воскликнул полковник.

– Это так, Ричмонд. Она очень плохая женщина. Ее отношение к Мэри – сущее безобразие.

– Бедная девочка! – согласился полковник.

– Ох, Джейми, у меня закипает кровь, когда я об этом думаю. Иногда бедняжка приходила к нам такой огорченной и плакала так, будто у нее разбито сердце.

– Но что же делала миссис Клибборн? – удивился Джеймс.

– Нет, не могу тебе сказать. Она невероятно злая. И ненавидит Мэри, потому что та выросла и тоже привлекает внимание. Она постоянно обижает девочку жестокими замечаниями. Ты видишь ее в те моменты, когда она старается показать себя в лучшем виде, а наедине с Мэри миссис Клибборн ведет себя ужасно. Оскорбляет, говорит, что она уродина и плохо одевается. А как ей одеваться лучше, если миссис Клибборн тратит все деньги на себя? Я сама слышала, как она сказала Мэри: «Какая же ты глупая и неуклюжая! Мне стыдно брать тебя с собой!» А ведь Мэри – сама доброта. Она преподает в воскресной школе, учит мальчиков петь в хоре, навещает больных, но миссис Клибборн все равно жалуется, что пользы от нее никакой. Я хотела, чтобы Ричмонд поговорил об этом с полковником Клибборном.

– Мэри настоятельно просила меня не говорить, – ответил полковник Парсонс. – Она готова вынести все, лишь бы не обострять отношения между отцом и матерью.

– Она ангел доброты! – восторженно воскликнула миссис Парсонс. – Настоящая мученица и ведь к матери относится так почтительно, словно та – лучшая женщина в мире. Никогда не скажет о ней дурного слова.

– Иногда, – вставил полковник Парсонс, – Мэри говорила, что ее единственная радость в жизни – мысли о тебе, Джейми.

– Мысли обо мне? – переспросил Джеймс, потом, помявшись, добавил: – Ты думаешь, я ей нравлюсь, мама?

– Нравишься? – Миссис Парсонс рассмеялась. – Она готова целовать землю, по которой ты ходишь. Ты и представить себе не можешь, что значишь для нее.

– От твоих слов мальчик может возгордиться, – заметил полковник Парсонс.

– Часто нам удавалось утешить ее словами о том, что ты вернешься и заберешь ее отсюда.

– Полагаю, нам надо в самом скором времени подумать о свадьбе? – Полковник Парсонс смотрел на сына с добродушной улыбкой.

Джеймс побледнел.

– Пока еще рано думать об этом.

– Мы говорим об июне, – уточнила его мать.

– Посмотрим.

– Ты ждал так долго, – гнул свое полковник Парсонс. – Уверен, что ждать дольше тебе не хочется.

– Она будет хорошей женой, Джейми. Тебе повезло, что ты нашел такую милую, такую нежную девушку. Мы радуемся, зная, что с ней ты обретешь счастье.

– Недавно я посоветовал Мэри поскорее подумать о приданом. – Полковник Парсонс рассмеялся. – Я сказал: «Если я хоть немного знаю Джейми, дорогая, он захочет жениться на тебе через неделю. Эта молодежь всегда такая нетерпеливая».

Миссис Парсонс улыбнулась:

– Конечно, это секрет, и Мэри ужасно рассердится на нас, если узнает, что нам это известно. Когда мы услышали о твоём приезде, она начала готовиться к свадьбе. Ее отец уже дал ей сто фунтов.

«Они безжалостны, – подумал Джеймс. – Они невероятно жестоки в своей доброте, в заботе о моем благополучии».

Глава 6

Джеймса не было в Англии пять лет, и за это время любопытный эмоциональный сдвиг, долго и медленно набирая силу, внезапно проявился открыто – дал о себе знать, как коварная болезнь, которая обнаруживается, лишь когда поражены конечности и внутренние органы. Новые настроения охватили общество, подтачивая основы национального характера, действуя через скопления людей в крупных городах, ослабленных воздействием трех ядов: пьянства, Армии спасения и популистской журналистики. Вздымалась могучая сила истерии и погони за сенсацией, готовая разорвать сдерживающие ее путы. Зараза захватывала и сельскую глубинку. Границы классов размылись, а сами классы стали такими неопределенными, что под удар быстро попало все население. На этом фоне пышно расцвела нынешняя литература. Жители Англии, чья нервная система была расшатана стрессом последних шестидесяти лет, потеряли моральную устойчивость. И с первыми мелкими неудачами в начале войны последние барьеры стыда рухнули, самоуверенность рассеялась как дым, и внезапно Англия стала робкой, как покоренная страна, умоляющей, оправдывающейся. Как испуганные женщины, англичане бегали, заламывая руки. Сдержанность, выдержка, хладнокровие, куда все подевалось... И теперь мы открыто проявляем эмоции; камыши, сгибаемые ветром, мы гордимся, что даже не камыши, способные мыслить. Мы призываем наших идолов. Кто поставит золотого осла, перед которым мы падем ниц и будем поклоняться ему? Мы гордимся нашим стыдом, размякшими сердцами, глазами, полными слез. Мы жаждем сочувствия, чего бы оно ни стоило. Мы выставяем напоказ наши кровоточащие органы и спрашиваем друг друга, действительно ли это ужасное зрелище. Англичане гордятся своей женоподобностью, и нет теперь ничего более мужественного, чем проливать слезы. Испытывать эмоции важнее, чем быть джентльменом, и, безусловно, гораздо легче. Скудоумие, увечья, утрата чувства юмора не заставили себя ждать; и уже нищие духом унаследовали землю.

Джеймс покидал Англию, когда такое эмоциональное состояние почти не проявлялось. Оно наблюдалось только у отбросов общества, и его причинами считали невежество и чрезмерное потребление алкоголя. Когда он вернулся, состояние это уже поддерживалось общественным сознанием. Джеймс не понимал этой перемены. Люди, которых он помнил здравомыслящими, уравновешенными, сдержанными, теперь вдруг стали агрессивно-истеричными. Джеймс до сих пор вздрагивал, вспоминая, как младший священник упоминал о его помолвке. Он заметил, что Мэри не нашла эти упоминания непристойными, наоборот, они безмерно порадовали ее. Она, видимо, получила удовольствие от того, что все узнали об их отношениях. Вся церемония произвела на Джеймса отталкивающее впечатление; ему претило преклонение и чрезмерное проявление чувств. Казалось, его эмоции потускнели после того, как ему пришлось открыть их любопытной толпе.

Кроме того, вчерашняя церемония скрепила его помолвку. Теперь о ней знали все. Имя Джеймса неразрывно связали с Мэри. И, разорвав помолвку, он подверг бы Мэри чудовищному унижению. Разве он мог нанести подобное оскорбление той, которая так преданно любила его? И вовсе не тщеславие вызывало у Джеймса такие мысли: его мать прямо сказала об этом. Он видел любовь в каждом взгляде Мэри, слышал в ее голосе. В отчаянии Джеймс спрашивал себя, ну что такого нашла в нем Мэри? Не красавец, молчун, остроумием не блещет, ничего особенного.

Джеймс все еще сидел в своей комнате, когда услышал голос Мэри. Она звала его из прихожей:

– Джейми! Джейми!

Он быстро спустился вниз.

– Как же так, Джейми? – спросил его отец. – Тебе следовало зайти за Мэри, а не ждать здесь, пока она придет за тобой.

– Конечно, следовало, Джейми, – рассмеялась Мэри, а потом, посмотрев на него, с искренней тревогой добавила: – Ты так плохо выглядишь!

Ночью Джеймс почти не сомкнул глаз, обдумывая возникшую проблему, поэтому действительно выглядел осунувшимся и усталым.

– Все хорошо, – заверил он ее, – просто я еще не вполне оправился от ранения, а вчерашний день выдался очень утомительным.

– Мэри думает, что ты захочешь составить ей компанию этим утром, пока она будет обходить больных.

– Утро такое чудесное, Джейми! – воскликнула Мэри. – Прогулка пойдет тебе только на пользу!

– С удовольствием прогуляюсь с тобой.

Они зашагали по дороге. Мэри – в платье из саржи, матросской шляпке, в крепких, с квадратными мысами туфлях. Шла она быстро, большими шагами, расправив плечи. Джеймс поддерживал разговор, задавая случайные вопросы о людях, которых она собиралась навестить. Мэри отвечала эмоционально и подробно, но разговор прервался, когда они подошли к первому нужному ей коттеджу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.